

Глобальные феминизмы
Сравнительные тематические исследования
Женский активизм и исследования

ТЕРРИТОРИЯ: РОССИЯ

Стенограмма интервью с Елена Викторовна Кочкина
Интервью провела Наталья Львовна Пушкарева

Местонахождение: Россия

Дата: 22 июня 2016 г.

Мичиганский университет
Институт исследований по вопросам женщин и гендерной проблематики
1136 Lane Hall Ann Arbor, MI 48109-1290, USA
Телефон: 1 (734) 764-9537

Электронная почта: um.gfp@umich.edu

Веб-сайт: <http://www.umich.edu/~glblfem>

© Регенты Мичиганского университета, 2015

Проект «Глобальные феминизмы» представляет собой совместный международный проект устных историй, изучающий женский активизм, женские движения и проводящий научные исследования о женщинах в различных странах мира. Мичиганский Университет начал проводить этот проект в 2002 при поддержке гранта из аспирантуры Rackham Graduate School. Виртуальный архив включает интервью с женщинами-активистками и учеными из Бразилии, Индии, Китая, Никарагуа, Польши и Соединенных Штатов.

Наши сотрудники в Бразилии находятся в Лаборатории устной истории и изображений (Laboratório de História Oral e Imagem - [LABHOI](#)), при Федеральном Флуминенском Университете (Federal Fluminense University - UFF) в Рио-де-Жанейро, и Núcleo de História, Memória e Documento (Центр истории, памяти и документации в Федеральном государственном университете в Рио-де-Жанейро, [NUMEM](#)). Интервью в Бразилии были проведены при поддержке учебной инициативы Мичиганского университета "Третье столетие", FAPERJ (Фонд поддержки исследований в Рио-де-Жанейро) и CNPq (Национальный совет по научно-техническому развитию Бразилии).

Елена Викторовна Кочкина начала заниматься гендерными исследованиями в 1990 году, прошла стажировки по гендерным исследованиям в Великобритании - в Йоркском Университете в 1993 г. и Лондонской школе экономики и политических наук в 1996 г. В 1996 закончила аспирантуру Института социально-экономических проблем народонаселения Российской Академии наук. В 1990-е годы руководила Центром экспертной поддержки социальных инициатив и гендерной программой Московского филиала «Института Открытое Общество»-Фонда Сороса. Одна из авторов и со-редакторов сборника «Гендерная реконструкция политических систем (Санкт-Петербург: Алетейя, 2003). В 2004 г. защитила диссертацию Гендерная асимметрия в структурах власти Российской Федерации: проблемы политико-правового регулирования на соискание ученой степени кандидата политических наук. Занимается гендерной экспертизой правовой реформы в России; программами структурной перестройки и реализации в России политики равных возможностей, анализом гендерных перспектив образовательной политики в России.

В 2014 г. вышла ее новая монография «Государственная семейная и демографическая политика в России: к разработке эффективных мер повышения рождаемости» (в соавторстве с В.В.Елизаровым)

Наталья Львовна Пушкарева настоящее время является Руководителем Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии Российской Академии наук, главным научным сотрудником института, доктором исторических наук, профессором. Она автор более 700 научных работ, в том числе 12 монографий, редактором десятков научных сборников. Заслуженный деятель науки Российской Федерации.

В 2002 году она создала "Российскую ассоциацию исследователей женской истории" - некоммерческое общественное объединение, которое провело 12 международных конференций в различных университетских городах России, собрав более 400 участников, изучающих проблемы женской истории и женского движения.

Н.Л. Пушкарева имеет большую научную школу, полтора десятка ее учеников защитили докторские и кандидатские диссертации и читают курсы по женской истории в разных вузах страны.

Елена Викторовна Кочкина, социолог, кандидат политических наук, руководитель специальных проектов Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук, ответственный секретарь Научного совета по вопросам гендерного равенства Президиума РАН.

Н.Л.: Елена Викторовна, расскажите, пожалуйста, коротко о своей биографии. В каком пункте своего жизненного пути Вы сейчас себя ощущаете, что удалось решить из тех поставленных задач, которые когда-то стояли, и что еще предстоит совершить? Но очень коротко. Расскажите.

Е.В.: Наталья Львовна, мы о научной?

Н.Л.: В первую очередь нас интересует все то, что связано с женской темой, с женским движением и с продвижением этих сюжетов в науке и в собственной биографии и связанность биографии и науки.

Е.В.: Я постараюсь коротко. Мы находимся на территории Института социально-экономических проблем народонаселения, в который я попала в сентябре 1990 года, то есть уже прошло 26 лет почти. И не совсем в этом здании, на этом этаже, но мы находимся сейчас в Лаборатории гендерных проблем Института, и именно группа сотрудниц этой лаборатории инициировала проведение Первого независимого женского форума. Я, собственно, попала и пришла на одну из первых встреч Оргкомитета.

Встреча проходила в зале Ученого совета Института Дальнего Востока – это институт, который находится в этом же здании. У нас были роскошные, такого советского времени, шелковые шторы с воланами, на кисточках, стояли огромные столы советского времени – и они, по-моему, и сейчас есть в Институте Дальнего Востока. Роскошные кресла резные. И 90-ый год – это был период, когда перестройка уже была запущена, каждую неделю я ходила на какие-то разные мероприятия – где клуб «Перестройка» в Центральном экономическом институте (в ЦЭМИ, вот напротив отсюда здание). Я там тоже бывала не раз. Да, там был клуб «Перестройка» и еще по диагонали ИНИОН [Институт научной информации по общественным наукам] проводил разные встречи, и в каждом институте Академии наук была какая-то такая группа леваков или либералов, каждая из которых проводила раз в неделю какую-то встречу, где разрабатывались—И в Институте экономики, соседний подъезд – бывший абалкинский институт [Институтом экономики РАН в 1986-2005 г. руководил Л.И.Абалкин, акад. РАН], тоже проводились встречи. То есть все разрабатывали... Явлинский – [программа] «500 дней», у Абалкина была своя программа.... По-моему, в каждом институте были какие-то свои программы: как нам провести реформу и войти в цивилизованные народы и нации, чтобы нам хорошо жилось.

Я пошла на какую-то встречу, совершенно – совершенно случайно... Вот ну как одна из встреч, где что-то обсуждается, и была очень сильно удивлена, что состав был одни женщины, радикальный. Сидели в роскошных креслах, за роскошным столом и пили чай из блюдца. То есть был сервис. При этом стояли резные

тортики, сухарики, как-то все было очень цивилизовано. Потому что все остальные тусовки... еще я ходила по таким оппозиционным встречам, например, по правозащитным. Ну вот, там обстановка была совсем другая. Мужчины сидели в дыму, курили, пили чифир с сухариками. А сахар насыпали из пакетов прямо столовыми ложками. Это был радикальный контраст.

А я в этот момент была тогда студенткой, наверное, третьего курса факультета социологии и занималась как политический социолог. Все выходные я проводила на демонстрациях с анкетами, с опросами, либо на съездах политических партий, либо вот на таких мероприятиях, где мы... Где-то интересно было самой послушать, понять о тематике, которую обсуждали. Ну... Я участвовала в нескольких эмпирических проектах, и мы все время обрабатывали какие-то данные, кто какие идеи продвигает и какие... как идет структурирование гражданских инициатив и политических партий. И это было... К тому моменту я, наверное, уже год пров... таким способом проводила время, и вот эта встреча здесь – у меня было ощущение, что вот... вот тут начинается— вот это мне нравится...

Н.Л.: Что привлекло?

Е.В.: Я говорю – началось с чашечек. Какие-то все очень симпатичные, никто ни [на кого не матерится]... Обычно на таких мероприятиях, когда проходили встречи каких-то «гражданских инициатив», то мужчины – везде же мужчины были – все почему-то друг на друга нападали и были постоянные какие-то склоки. Потом сидели до полуночи, к утру что-то делали, это было как-то очень нездорово. А здесь были очень здоровые, благополучные, симпатичные, адекватные женщины. Они мне просто понравились. У меня было ощущение, что вот я выплыла в какую-то сферу, где мне уд[обно].

И еще интересно... они говорят: «Так, ну что? Кто что будет делать в Оргкомитете?» А я думаю: «Что же мне делать-то?» Очень хочется быть с этими женщинами. Потому что, ну ты заходишь в какое-то сообщество, и вдруг вот тебе хочется с ними дружить. Вот хочется быть с ними.

Н.Л.: А что это было за сообщество и что за образование? Кто это...

Е.В.: Так я и говорю. Это была первая встреча Оргкомитета Независимого женского форума.

Н.Л.: Но кто-то же обратился с предложением, откуда стало известно, что нужно прийти?

Е.В.: Это я сейчас скажу. Нет. У меня ощущения... Я рассказываю по моим ощущениям. То есть я шла мимо... Это была проходная встреча. То есть я ничего не знала ни об институте, ни об этих инициативах, ни о Лаборатории гендерных исследований, ни о гендере, я ничего не знала. Я просто зашла. Здесь были симпатичные женщины, пили чай и они мне понравились. И формировали оргкомитет очень демократично. Тип коммуникации, вот тип коммуникации. И вот... И я тут же придумала, что мне делать в этом Оргкомитете. Я же социолог.

Вот анкеты я уже тогда лепила, одну анкету в неделю. Вот надо... И я думаю: вот, пожалуйста! А среди них социологов как раз не было. Ну, вот как [в качестве] социологов. И я помню, когда я записалась, никто не спрашивал[чем я могу и хочу заниматься], просто пустили бумажечку по кругу, и я куда-то вошла. Была назначена следующая встреча... И вот была назначена следующая встреча, и так я стала приходить по назначенным встречам, и там обсуждался Первый независимый женский форум, собственно говоря, который и прошел в марте 91-ого года.

Н.Л.: Где?

Е.В.: В Дубне. Это Московская область. Дубна в тот момент была закрытым городом.

Н.Л.: Почему?

Она была закрыта, потому что Дубна является центром ядерных исследований. Основное градообразующее предприятие – это Центр ядерных исследований. Уникальность ситуации состояла в том, что в этом Форуме приняло участие всего 200 человек. Анонс...

Н.Л.: Как же они попали в закрытый город?

Е.В.: Анонс о нем мы давали через газету «Московский комсомолец», такие были времена. То есть просто кто-то дал интервью, наверное, Анастасия Посадская, руководитель Лаборатории гендерных проблем, и она же была членом Оргкомитета.

Н.Л.: А когда возникла эта лаборатория здесь, в этом институте?

Е.В.: Лаборатория возникла годом раньше.

Н.Л.: В 1989-ом?

Е.В.: В 1989-ом году, как я понимаю, где-то в марте месяце.

Н.Л.: Кроме Анастасии Посадской, кто был у истоков создания лаборатории?

Е.В.: Исторически – Наталья Михайловна Римашевская, в кабинете которой мы сейчас проводим съемку, в тот момент была директором Института—институт был только что создан. Институт собирали из шести институтов Академии наук. Из ДИМОЛ??, из центрального экономико-математического института, из Института экономики, из Института проблем, по-моему, рынка, из Института социологии, из демографии – ну, разные были группы. И ей дали карт-бланш: сделать Институт проблем народонаселения. Тогда, собственно говоря, была озвучена концепция повышения уровня народного благосостояния. Впервые заговорили о том, что у народа есть проблемы, у нас есть неравенство, у нас есть бедные – о чем раньше не было принято говорить. Более того, у нас есть неблагополучные слои и, собственно, концепция института состояла в том, что он должен был разрабатывать то, что сейчас называется «социальная доктрина», или «основы социальной политики» - в широком понимании смысла этого слова.

Или социальная политика как узкая часть экономических – внутриэкономических управленческих блоков. И Анастасия Посадская – не знаю исторический сюжет, как именно она познакомилась с Натальей Михайловной Римашевской, но именно при поддержке Натальи Михайловны, как я понимаю, она защитила кандидатскую диссертацию, и в этот момент – я полагаю, это было начало 89 года – в Совмине был такой «Комитет по делам женщин» [Комитет по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства]. Его возглавляла [П.] Маева, и в этот момент искались новые идеи, разные новые социальные идеи. И фактически тогда Совмин сделал заказ Институту, Римашевская создала рабочую группу, в этом принимала участие и Валентина Ивановна Матвиенко (ныне – Спикер Совета Федерации), она в тот момент была в Верховном Совете СССР. И тоже возглавляла, имела отношение к Комитету по делам женщин. Собственно говоря, Совмин в лице Маевой, Матвиенко – в Верховном Совете СССР, Римашевской – в Академии наук, сделали Концепцию улучшения положения женщин (без определения[, каких именно,] Советский Союз или Россия [имелась в виду]... просто – улучшение положения женщин). Изначально в название Концепции Анастасия Посадская включила вопросы равенства полов, и даже была концепция родительства. Но обрезали в названии. Тем не менее, структурно там был впервые поставлен вопрос о диспропорции социальных ролей в обществе мужчин и женщин и проблемы, которые возникают в связи с этим в экономическом производстве, а также в системе социального неравенства. Это было первое.

Но, собственно говоря, тогда в эту группу вошла Зоя Александровна Хоткина, нынешний сотрудник Лаборатории [гендерных проблем] и тогдашний тоже. Вот уже 26 лет Зоя Александровна в этой лаборатории работает. Валентина Константинова [тоже вошла], она в тот момент работала в Российской академии государственной службы. Валентина была кандидатом исторических наук и занималась международным женским движением – в частности, она защищалась по суфражизму в Великобритании. Соответственно, она привнесла знание английских социальных политик и такой исторический контекст. Ольга Александровна Воронина из Института философии – диссертация...

Н.Л.: В настоящий момент.

Е.В.: Да, в настоящий момент... Татьяна Клименкова, тоже из Института философии. И, таким образом, они собрали междисциплинарный – междисциплинарную рабочую группу, в которой были и экономисты, как Посадская. (Еще из Института, из ЦЭМИ была, по-моему, Наталья Захарова.) Они создали междисциплинарную группу, где были экономисты, историки, философы... Ну вот... В большей или меньшей степени Посадская делала социологические исследования и сама Римашевская... И из этой рабочей группы фактически тогда Римашевская ходатайствовала, и ей дали право создать лабораторию. Да. Она попросила возглавить лабораторию Анастасию Посадскую. Анастасия согласилась, и половина лаборатории была на полставки, потому что они были одновременно сотрудниками в других академических институтах. Вот эта лаборатория сохранена до сих пор, и это была лаборатория, которая в 1989

году уже называла слово «гендер». Фактически слово «гендер» было запущено Анастасией Посадской – я помню, тогда это слово произносили как *гндЕр*, или *гендИр* [а не гендЭр, как сегодня] - не было устойчивой практики – культурной практики, как произносить это слово, но вот этому слову фактически уже больше 27 лет, и можно даже посмотреть, когда впервые оно было использовано в России. Да. То есть это был скорее всего приказ Римашевской о создании Лаборатории гендерных проблем в Институте социально-экономических проблем народонаселения. Собственно говоря, если мы вернемся к программе, которая была у Лаборатории, она была междисциплинарная. За эти 26 лет лаборатория – она каждый год выпускала там один-два сборника. Ясно, что количество книг, которое было выпущено только под эгидой лаборатории, я думаю, это порядка сотни. Были запущены, я полагаю, основные конструкты, которые и сейчас активно развиваются в реальностях... в разных других реальностях социальных.

Н.Л.: Как история лаборатории оказалась связанной с Вашей судьбой?

Е.В.: Уникальность этой лаборатории была связана... была в том, что они [сотрудники] не позиционировали себя как ученые, которые работают методом «desktop research», то есть сидят в библиотеках. Они изначально были очень эмпирически ориентированы. И так как они были запущены, их создание, история были связаны с регулированием или формированием основ социальной политики, еще Советского Союза, соответственно, они имели очень сильные концептуальные структуры в том, как они себя позиционировали. Они позиционировали себя как агент социальных изменений! Да, агент формирования новых социальных политик гендерного равенства. В то же самое время они себя идентифицировали с широкими женскими гражданскими инициативами, собственно говоря, если в 89-ом году Лаборатория была только создана, в 90-м я уже была, - ну, с улицы, можно сказать, – пришла студентка с улицы – то есть. в Академию наук не так просто было просто взять и войти, - тем не менее [тогда уже], работали какие-то сети[которые помогали таким, как я, «с улицы»].

И уже в марте 90-го года эта группа собрала 200 человек в закрытом городе. в Дубне! Если... Ну да и уже... Уже, собственно говоря, после первого форума, Лаборатория... Ну да, после этого форума... уже Анастасия Посадская пригласила меня работать в Лабораторию уже как научного сотрудника, до этого я была таким аффилированным членом, который ходит на заседания Оргкомитета, но это такая общественная деятельность. То есть, фактически гендерные исследования, на мой взгляд, они запускались как рефлексия изменяющейся социальной действительности, при этом субъектом изменения являлись граждане, с которыми они себя идентифицировали.

Конечно, здесь было очень много утопизма. То есть, если посмотреть – я писала историю, какие темы как возникали в первые, скажем, 15 лет, открытость к любым дискурсам и к любым дисциплинам была предельная. Я не помню, чтобы были конфликты. Уникальность, мне кажется еще, запуска этого проекта

состояла в том, что как-то изначально они стартовали на уровне с пониманием ограниченности своих научных конструктов. То есть, я не помню, чтобы были какие-то идеологические схватки. Мне кажется, что идеологических схваток удалось преодолеть, потому что изначально у всех было право идентифицироваться и занять любую идеологическую позицию: от утопистов до неолибералов. И...

Н.Л.: И на первом съезде в Дубне, вот о котором вы говорили...

Е.В.: Я сейчас говорю и в научном дискурсе. То есть, под одной обложкой выходили тексты исследовательниц, которые... ну ну... Была очень твердая и очень ясная установка: давайте все-таки идентифицируемся, с какой научной позиции вы выступаете, в какой парадигме вы мыслите, какие категории вы используете. Не было особо глубокого требования «Обоснуйте!». То есть, вот эти... Считалось, что, ежели ты выбираешь эту позицию, то ты имеешь на это право. Если ты постструктуралист – пожалуйста, если ты постмодернист – пожалуйста, если ты социал-демократ – пожалуйста, ты можешь выбрать хоть...

Н.Л.: А если в духе традиционного...

Е.В.: Хоть методологическую позицию любую, хоть идеологическую любую. При этом что касается методов... В методах тоже не было ограничений, не было предпочтений. Как статистический метод, так и социологический, количественный, так и качественные методы. И мне кажется, что запущена такая уникальность... Что мне понравилось, я думаю, это привлекло, и почему я до сих пор очень ценю себя с этим сообществом, это открытость и такая фундаментальная демократичность свободы выбора. То есть, ты можешь выбрать любую позицию и никто не будет требовать от тебя доказать право на ее занятие. Есть... Мне кажется, это просто очень высокий интеллектуальный уровень: сейчас, когда мы обсуждаем какие-то нюансы –кто чем отличается и почему мы в этих конструкциях мыслим – конечно, мы все понимаем, что мы связаны своим личным опытом.

Н.Л.: Вот к нему я и хочу вернуться, к участию в Первом женском съезде, уже Независимого женского движения 1991-го года и к Дубне.

Е.В.: Накануне, до открытия, за два дня (съезд открылся в субботу... Первый независимый женский форум, не съезд - а форум!). Он открылся, мне кажется, в субботу, а вот, но... утром в пятницу...

Н.Л.: В какие это числа? Это март?

Е.В.: Это март месяц. Я вот не помню точные числа, по-моему, это двадцатые числа марта....

Н.Л.: После женского праздника, следовательно?

Е.В.: Вот надо смотреть, сейчас уже запомновала. До Восьмого марта это было или...

Н.Л.: То есть, это никак не связано было с Женским днем, сам созыв, именно в марте месяце и именно, потому что март при выпуске тематических журналов – это всегда особый как бы месяц, в котором все женское запускается.

Е.В.: Я не помню детали, возможно мы... Надо смотреть какого это было марта... Дату не могу сказать. Там были подвижки. То есть, если Форум прошел, мне что кажется, 21 или 23 марта, мне почему-то так кажется. То есть, может быть, мы просто не справились и не вытянули на Восьмое марта, просто не успели с организационной точки зрения, или кто-то не успевал приехать. А концепция самого Форума была, опять же, секторальная. То есть, мы взяли сферу политики – это понятно, там стоял вопрос о политической вовлеченности женщин, потому что тогда уже прошли выборы в Верховный Совет СССР, и мы видели, что женщины у нас там неплохо показали... ну, неплохие показатели. Но, тем не менее, все понимали, что сейчас динамика уже будет падать, то есть все, кто поучаствовали – а среди участников Первого форума были женщины, которых прокатили на выборах 1989 года. Например, одна из застрельщиц (там принимали активное участие женсоветы всех, кстати, закрытых [городов], как мы попали в закрытый [город] Дубну)... Одна из участниц того Оргкомитета, Ольга Асланбековна Бессонова, испытывала большие сложности с тем, чтобы выиграть выборы в 1989 году. Так как она провела избирательную кампанию по всем наукоградам, будучи в тот момент замдиректора во социальной политике ЦАГИ, у нее были связи во всех «наукоградах». Но, тем не менее, она нам провела...

Н.Л.: Что значит «ЦАГИ»?

Е.В.: Центральный аэрогидродинамический институт в городе Жуковский. Это советское НАСА: они занимались экспериментальными разработками и подготовкой конструкций летательных аппаратов, в том числе там была тренинговая база и для космонавтов. Очень активный был женсовет в этом ЦАГИ, и тогда женсоветы были во всех закрытых ящиках. То есть, во всем ВПК были очень мощные, сильные женсоветы. И вот когда она провела большую избирательную кампанию, приехала в КСЖ (Комитет советских женщин), ее не включили в список от Комитета советских женщин... Собственно, накопленный человеческий капитал этих женсоветов и был вложен в этот Оргкомитет [форума]. То есть, они [созывавшие Первый независимый женский форум] проехали несколько городов... Условно говоря, у нас и Троицк есть, и там Черноголовка, или там Пущино, но и ЦАГИ был... Я не знаю, по какой причине это не в Жуковском проходило, она могла бы, наверное, и в Жуковском [организовать не менее представительный женский форум], была очень сильная группа в Дубне у женсовета, и у них были самые лучшие условия. Потому что у них был международный конференц-центр. И, так как мы ожидали участия международных участниц, Оргкомитету хотелось все сделать на международном уровне. Как раз в Дубне был конференц-центр международного класса, там были и возможности переводить сразу на два-три языка – да вот «simultaneous translation» - там была гостиница «Дубна» хорошего такого, европейского класса. Это был очень симпатичный...

Н.Л.: А звучала ли тема феминизма и феминистского движения, вообще сами слова вот эти термины?

Е.В.: Я сейчас говорю, почему была Дубна. Не было... То есть, фактически это была встреча тех женсоветов и вот этой группы концептуализаторов госполитики из Академии наук. Но через публикацию в «Московском комсомольце» об этом узнали какие-то другие активные женщины, например, к нам приехала женщина, Наталья Сабцина, как сейчас помню, из Кемерово. Она входила в профсоюз...

Н.Л.: СабциИна?

Е.В.: САБцина.

Н.Л.: САБцина.

Е.В.: Сабцина, да, --горняков, то есть вот этих вот... Тогда... вот тогда... Вот эти горняки и шахтеры, которые были одной из движущих сил таких активистских, гражданских инициатив той поры... Вот и для нас это было... И профсоюзное движение, то есть, женсовет, профсоюзное движение, Академия наук – Вот это был фактически такой состав. Конечно, это было...

Н.Л.: Где присутствовали от Академии наук, от Центра гендерных...

Е.В.: Я была как социолог-студентка, которая сделала анкету и проводила опрос. Мы тогда всех опросили, кто, что, зачем и почему. Эти данные потом были, мне кажется, опубликованы, но я не писала отчет. Мне кажется, Валентина Константинова тогда написала какой-то отчет по этому обследованию. Значит, у нас была политическая повестка дня, была культурная повестка дня, потому что в этот момент - несмотря на то, что Перестройка была довольно открыта - было вытянуто в средства массовой информации очень много негативного и традиционалистского дискурса. То есть начинался откат. Анастасия Посадская назвала этот период «постсоциалистический патриархатный Ренессанс». Это был удивительно консервативный... [это был] выброс всего веера консервативных тезисов. На эту тему была отдельная секция, и все женщины, социализировавшиеся как профессионалки, как матери, сделавшие карьеру, теперь почему-то должны были оправдываться, почему они ходят на работу. Ну, фактически это был, вот, 1991 год... Так и было... Тема экономики. В этот момент стали все говорить о том, что женская заработная плата составляет на 40% ниже мужской. Это было время, когда наконец-то об этом стали говорить, но это были давние, еще советские исследования. Их делали на всех предприятиях наши социологи и экономики труда, но вот это впервые об этом было сказано, и было откровением, потому что никто никогда не думал, что дискриминация так фундаментальна, что это касается заработной платы всей отрасли группы «Б». (То есть, у нас есть отрасли группа «А» - это весь ВПК и тяжелая промышленность и отрасли группы «Б»...). Отдельно обсуждался – значит, политика, культура, экономика – и отдельно обсуждалось женское движение как вопросы демократизации. То есть, они... ну вот были как две секции: одно дело – политическое участие женщин, другое дело – гражданские инициативы. Не было никаких проблем[обсуждать те вопросы, которые были поставлены]. Человек

двадцать было иностранных, там была, например, Синтия Кокберн из Англии, она представляла – ну она была связана, аффилирована с Европейской ассоциацией социалистических феминисток, или Армора Вейсон была из Англии - она, по-моему, да, она тоже была с этим Европейским форумом социалистических феминисток [связана]. Не было никаких проблем со словом «феминизм», да. Оно произносилось, его обсуждали, и была, по-моему, отдельная сессия. Это видно по документам этого Форума. Слово «гендер» как раз звучало в меньшей степени, потому что это все-таки было такое наукообразное слово, и конечно... но основной вопрос – основные вопросы обсуждались – равенство полов. Мужчин и женщин. То есть, конечно, была дихотомия «мужское-женское». Гендер прошел какой-то такой тонкой, тонкой линией – он был озвучен, но в терминах гендерных... гендерной политики могли обсуждать только, я не знаю, десять человек из Лаборатории гендерных исследований, соответственно, на 200 человек никто не стал выносить [на публичное обсуждение] эти конструкции.

Поэтому, если смотреть на [прошедшие] 26 лет, конечно, мы далеко продвинулись. Интерпретационные возможности обсуждения [того], что был советский опыт и что... и как можно писать опыт реформ – он увеличился на три порядка, на мой взгляд. То есть, количество исследователей, которые сейчас используют гендерную методологию, ну, по моим оценкам, в России – это минимум пять тысяч человек. То есть, если мы посчитаем все кандидатские, да, если мы посмотрим, какие дисциплины – я на 2006 год делала анализ – нет ни одной гуманитарной или общественной дисциплины, где не было бы защищено диссертации, специально посвященной теме неравенства полов, и – мы не будем говорить о качестве методологических исследований, которые лежат в основе всех диссертаций, но, тем не менее, сама по себе проблема дихотомии женское-мужское сейчас присутствует за эти 26 лет во всех дисциплинах, гуманитарных, общественных и в том числе, во многих естественнонаучных...

Вот, например, возьмем медицинские или... физиология и биология - там это тоже уже присутствует.

Н.Л.: И это в известной степени...

Я считаю, что это интеллектуальный большой [прорыв], большое достижение сообщества Академии наук, которое было запущено. Это успешно. То есть, сейчас мы можем уже обсуждать тонкости методологии: что мы понимаем под той или иной категорией, в каких концепциях мы работаем... И этот процесс, к сожалению, сейчас не идет, хотя это было бы самое время, потому что - 27 лет, самое время осмыслить... Да, это уже...

Второе социальное достижение, которое можно приписать [Лаборатории и всей РАН]. Конечно, все 26 лет –каждые 3-4 года и эта лаборатория, и группы вокруг нее принимали участие в разработке разных социальных концепций. Я думаю, что то, что за 26 лет удалось удержать социал-демократические, даже стандарты советского периода, равенства мужчин и женщин - это тоже большое достижение. Конечно, можно было бы сделать больше... Но то, что не были «сданы» - я не знаю – фактически ни одной из правовых достижений Советского Союза, на мой

взгляд, не были на юридическом уровне «сданы» - [это уже победа!]. Вот только вопрос о сексуальных домогательствах, да, в Уголовном кодексе эту статью убрали, мы не смогли ее отстоять, в тот момент никого из юристов не было в группе, кто занимался Уголовным кодексом. Да и ее сняли, потому что не было статистики. Но, по большому счету, все остальные достижения Советского Союза, их удалось сохранить. И это благодаря тому, что 26 лет в Комитете Госдумы по делам женщин и сейчас, в Совете Федерации, присутствуют всегда 10-15 человек женщин-экспертов, в большей или меньшей степени связанных с этой Лабораторией...

Н.Л.: «С этой Лабораторией» - какой? В Московском Центре гендерных исследований?

Е.В.: Московский Центр гендерных исследований... Я и сейчас про Академию наук, да? Которые...

Н.Л.: Из которой лаборатории?

Е.В.: Из Лаборатории гендерных проблем, да... Которые своим статусом, академическим, научным, защищали эти конституционные достижения.

Например, мы можем сказать, что в Конституции появилась и была сохранена статья 19 о равенстве мужчин и женщин. Но это был личный героический поступок Людмилы Завадской. Потому что «Комитет советских женщин», [теперь] «Союз женщин России», отправил ее – она в тот момент была сотрудницей Института государства и права - в конституционное совещание. Потом мы спрашивали: Людмила Николаевна, почему вот тут, вот в этой статье было написали про материнство и ничего – про отцовство? Она говорит: «Лена, потому что в той рабочей группе никого из нас не было!»

Конечно, в этом смысле Российская Конституция – она как бы имеет и тот дискурс и другой. Да, и материнский - то есть, такой биолого-центристский [настаивающий на том,] что основная функция женщины – дать жизнь ребенку, а об остальном должны позаботиться мужчины и государство... Но есть [в ней] и принцип гендерного равенства. Равенства полов. Это было связано с тем, как не во всех группах, где формировались основы конституционного... конституционных принципов или законодательства, присутствовали гендерные эксперты. Не везде... Тем не менее, фундаментальный список [понятий и концептов гендерной теории] удалось удержать. Правда, не везде.

Н.Л.: Я хочу вернуться именно к биографии: к тому, как она была – личная биография – связана именно с Центром гендерных исследований и Московским центром или Лабораторией [гендерных исследований в ИСЭПН РАН и с Московским центром гендерных исследований (МЦГИ)]

Е.В.: Ну вот, например, сейчас вспомним... как, например, в Польше они потеряли право свободы на аборт. Вот здесь эта схватка идет 26 лет, в этом сезоне опять идет - это уже 27-ой сезон... И всегда, всегда есть какой-то риск, что какое-нибудь право сейчас возьмут и изымут. Всегда... все-таки неоконсервативные,

патриотические, фундаменталистские силы довольно активны. Пусть они сильны в большей или меньшей степени, но – мне кажется - гендерная повестка дня довольно активно представлена на политическом фронте, и удается находить компромиссы такие... ну, действительные компромиссы, как и с неопатриотами, так и с неолибералами, вот, при этом занимая свою ясную, внятную позицию фактически по всем пунктам. Гендерное лобби довольно мощное.

Н.Л.: Расскажите о Втором женском форуме, который собрался вскоре после первого.

Е.В.: Одним из решений Первого форума было построение сети общественных женских инициатив и, собственно, через... в конце ноября 1992 года прошел второй форум, и он уже собрал 500 женщин. Там была проблема в том, что уже в Дубне не хватало мест, не хватало гостиниц, не было общежитий, ни студенческих, ни рабочих, а уже участниц Форума селили по домам. И я помню, за месяц мы просили не приезжать всех, кого... кто был незарегистрированным. То есть, активность была такова, что в тот момент можно было собрать полный Кремлевский дворец съездов, но... в этот момент не было никаких организационных... никакой организационной поддержки.

Н.Л.: Как это организовывалось тогда, если... интернета же не было, как можно было...

Е.В.: Нет, интернет был, почему же? Вот в этом институте интернет был...

Н.Л.: То есть, электронная почта уже у всех была? В 92-ом году?

Е.В.: Нет, конечно, в основном это была связь с зарубежными участницами, с ними это было по интернету, а это был телефон. Да. Я как раз хотела, чтобы мы проводили интервью в Лаборатории гендерных проблем, потому что там стоял тот телефон и он звонил бесконечно. Вот и я помню, что накануне Второго форума мы уже не уходили из офиса...

Н.Л.: А откуда вы получали сами адреса, телефоны, с кем связываться? Просто база данных была...

Е.В.: Да они просто звонили. Не было никакой базы данных. Просто звонит телефон, ты берешь трубку, и говорят: пожалуйста, запишите, я хочу приехать на Форум. Ты пишешь фамилию, имя...

Н.Л.: А откуда люди узнавали? Вы куда-то давали информацию об этом?

Е.В.: Да, была информация, была рассылка по участницам первого форума, я этим занималась, я как раз была этим... ответственным секретарем Оргкомитета. Все погрешности, которые в итоге мы получили... я несу за это ответственность, там были какие-то безумные очереди у нас. Да, была рассылка по участницам первого форума, и мы делали ряд выступлений на радио, мы давали этот номер телефона, и потом уже телефон звонил, как горячая линия, не переставая. И уже за два месяца до этого [Второго женского] форума мы уже всем отказывали в регистрации, потому что уже были переполнены все возможные [списки].

Но Дубненьки, они... Да, но когда... когда вечером, накануне регистрации, пришла последняя электричка, там во сколько-то, в полночь, да! И пришло еще двадцать человек, то я помню, что я сама освободила номер, в котором жила. Вот и спала уже в холле этой гостиницы, и мы поселили, как сейчас помню, депутата Моссовета Галину Бодренкову [ныне Президент российского центра развития добровольчества] и [Валерия] Борщова [депутат Моссовета, Союз христианских демократов] – им мы не могли отказать в участии.

Вот он [второй женский форум] был масштабнее, мы проводили в другом же месте. Какой-то у них был крупный санаторий с большим конференц-залом. В санатории уже проводили, на выезде, не в самой этой гостинице, и там было порядка 15 секций. Основная концепция второго форума состояла в том, что мы будем делать теперь не пленарные заседания два дня, а секции. И каждая секция была подготовлена, были очень сильные ведущие – не знаю – человек 20. Были дискуссии и были конкретные предложения – я помню, когда ночью мы потом сводили все предложения – по первому форуму, когда мы писали резолюцию первого форума, - вот, я помню, тогда кто-то из голландок вставил формулировку такую про программу структурной перестройки и политику международных финансовых институтов. Я эти шесть слов запомнила – ничего не поняла, что они обозначают. Вот но сейчас как никогда, когда я открываю – периодически так, откроешь, считаешь – я вижу, что основные критические позиции, которые были высказаны – и в документах первого форума и второго –они были обоснованы, и мы, собственно, последние 26 лет и работаем на то, чтобы снизить издержки и риски с теми неолиберальными политиками, которые тогда уже «готовились к запуску». Они тогда еще не были запущены [в политику, но готовился их запуск]. 1992 год прошел, ноябрь - и, собственно говоря, самое страшное началось уже в 1993 году. 1993-1994 годы - Гайдаровские реформы. Тогда, в 1993 году, Екатерина Филипповна Лахова, которая поддерживала Второй форум, приезжала на него... Мы хотели пригласить Хиллари Клинтон, приглашали Найну Ельцину. Ну вот, я помню, что мы могли пригласить самого Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, потому что мы считали, что все должны учитывать: 500 женщин собрались вместе, провели 20 встреч, организованно написали, как оно должно быть.... Считали, что это и есть основа политики, которая должна быть реализована. В этот момент Комитет советских женщин немножко попал в сложную ситуацию, потому что...

Н.Л.: Он еще продолжал существовать?

Е.В.: Конечно, да.

Н.Л.: Во главе с Терешковой?

Е.В.: Нет, в тот момент это была уже Федулова. Не было уже... Терешкова в тот момент уже была руководителем Россотрудничества - это структура Министерства иностранных дел, а Алевтина Федулова тогда возглавляла [Комитет, и она была] малоизвестный политический деятель, она так никогда и не имела какого-то советского, или там общесоюзного, или даже российского имиджа. Ее знают только те, кто занимался вот этими [женскими] инициативами.

Удивительно, удалось тоже и с ними не ссориться. Эти инициативы существовали параллельно, то есть, все инициативы, которые запускались, они не претендовали на то, что «Дайте нам власть, или мы - истина в последней инстанции!» Но [все действовали] очень активно, наиболее активно... И, собственно говоря, этот дискурс, который был запущен [о правах и возможностях женщин], он потом перешел в 1995 году в Пекинскую декларацию, и лег в основу всех политик, которые запускались в следующие десять лет.

То есть, до 2004 года, когда еще была сделана Концепция гендерного равенства, государственная, были еще надежды, что можно внести изменения социал-демократического такого толка в пакет этих реформ.

Н.Л.: Больше форумы женские независимые не собирались с 1992 года?

Е.В.: Все дело в том, что... что уже в 1993 году каждую неделю проходили какие-то локальные мероприятия. И в 1996 году я была координатором проекта по созданию сети Интернет между женскими организациями.

Например, мы объехали, по-моему, десять разных организаций, по всем городам – основные субъекты Российской Федерации, - они как раз были включены. То есть к 1996 году уже работала сеть большая [женских организаций], и на региональном уровне каждый месяц проходили события. То есть пошла регионализация. Например, те, кто участвовал в Первом или во Втором форуме, они проводили... либо Союз женщин Дона – [им был охвачен огромный регион] это вся Ростовская область, Ставропольский край, Краснодар и Северный Кавказ – это делал «Союз женщин Дона» и лично Валентина Череватенко. Был Иркутский конгресс женщин... сейчас точно не вспомню, как они называются – это Байкальский регион, Иркутская область [Байкальский региональный союз женщин «Ангара»].

Н.Л.: То есть это была реальная связь с женским движением, существовала?

Е.В.: Они реально построили сеть до низовых женсоветов. Или «Конгресс женщин Кольского полуострова»... То есть, получилось так, что самые сильные женщины [страны] встретились – а уже как бы некогда было... Для того, чтобы собрать Третий форум, нужен был бы действительно Дворец съездов! Но к тому моменту не было такой необходимости, потому что маленькие встречи проходили, но они проходили уже тематически. По каким-то отдельным...

Н.Л.: Так длилось до начала 2000-х годов?

Е.В.: Я думаю, что следующее масштабное мероприятие было Пекин [IV Всемирная конференция по положению женщин, состоявшаяся в Пекине в 1995 году], когда порядка 200 женщин выехали в Пекин.

Н.Л.: В каком году это было?

Е.В.: Это 1995 год, IV Всемирная конференция по положению женщин, ООН. В ней приняло участие пять тысяч женщин со всего мира, и из России было порядка 200 женщин.

Н.Л.: Вы принимали участие лично...

Е.В.: Я была координатором нашего участия, входила во все комитеты европейского и международного уровня, этих «NGO». Поэтому российское участие – [Россия] была одной из самых частых, по-моему, больше нас было только китайцев и американцев. И мы из этого пекинского процесса, мы вынесли, освоили, то есть фактически, - 200 женщин освоили весь дискурс уже дробных политик. То есть, фактически эта Пекинская платформа, она была некоторой такой, ну, Библией расширенной, ты всегда мог открыть, у тебя были написаны слова, что за этим стоял опыт женщин из других стран. Но это... Собственно говоря... И после Пекина мы все перешли в проектную деятельность, стали делать какие-то очень конкретные дела.

Н.Л.: Кто поддерживал эти проекты? Кто финансировал?

Е.В.: Я была вовлечена в ту группу проектов, которая финансировалась западными фондами и агентствами Организации Объединенных Наций. Мне кажется, что не было ни одного агентства, с которым мы, например, не были бы связаны, или где бы не участвовали как эксперты. Например, мое личное участие – это было даже Международный валютный фонд. То есть, где только не удалось побывать! И так, к этому моменту уже была большая группа женщин-экспертов – и социологов, и экономистов, - то есть не было недостатка с тем, чтобы кто-то поехал и в чем-то принял участие. И потом это все соединялось в какой-то текущей конференционной деятельности.

Н.Л.: Более маленькие организации к каким фондам могли в те времена обратиться для того, чтобы поддержали их деятельность?

Е.В.: Если это был проект демократизации и поддержки женских инициатив... И к 1995 году, кстати, уже было совершенно очевидно, что запущен неолиберальный конструкт, да, реформ. Была проведена приватизация, были обрезаны все социальные пакеты программ, пошла поляризация, пошло неравенство, возникла огромная зона бедности, огромная зона социального неблагополучия, сделать ничего было нельзя... Я хотела обратить внимание, чтобы - и мы отдавали себе отчет в том, что наша повестка дня потерпела фиаско. Потому что тогда Екатерина Филипповна Лахова, будучи советником президента Ельцина, организовала встречу своей рабочей группы (у нее была экспертная рабочая группа при администрации президента Ельцина) с Гайдаром [Егором Тимуровичем, тогда – Премьер-министром РФ]. И Анастасия Посадская, как представитель той рабочей группы дала, предложила пакет –] С 1989 года была концепция по улучшению положения женщин. Понятно, и за следующие там восемь, ну, шесть лет подновить, дать новую статистику или новые тенденции, не составляло интеллектуального труда. Потому что все жили в «режиме 72 часа» - пытались внести изменения в этот неолиберальный пакет. Вот тогда Гайдар, который был фактически таким же экономистом, только что не из Академии наук (он работал референтом в журнале «Коммунист», но он был человеком по интеллектуальному уровню и по воспитанию, который уважал людей из Академии наук), он уважительно сказал Анастасии Посадской и Екатерине Филипповне: «То, что вы

предлагаете, - это социал-демократический пакет реформ! А мы согласовали со мирбанком неолиберальный!». И для меня – это я во всех публикациях, какие я пишу, вот эту цитату везде включаю, потому что это был, наверное, 93-й год, когда Лахова выпустила Указ президента об улучшении положения женщин, но он уже был символическим. То есть в пакет реформ он не входил.

Н.Л.: Какие основные расхождения были между неолиберальной концепцией и вашей?

Е.В.: Нет, во-первых, это обрушение – это обрушение в ходе приватизации всей системы социальной инфраструктуры, которая существовала. То есть это просто обрезание «welfare states». У нас 80 процентов социальной инфраструктуры было на предприятиях [уничтожено], и в момент приватизации она была приватизирована и перепрофилирована. Так Советский Союз или Россия остались без детских садов. И без детских лагерей. И без санаторно-курортного обслуживания. При этом декларация, что мы это вложим в оплату труда, не была сделана. Фактически [перед нами]это то, что называется такой... ну, манипуляцией и фактически перераспределением народного благосостояния в интересах отдельной узкой группы.

Н.Л.: Как это сказалось на Вашей деятельности второй половины 1990-х годов? После 1993 года?

Е.В.: Дальше мы стали думать: хорошо, если мы потерпели на федеральном уровне [фиаско] и на российском уровне, на уровне государства, то что, ничего нельзя сделать. Самый сильный наш лоббист, Лахова, все, что могла, [сделала]. Это предел. Ты ничего не можешь сделать. Всё, приватизация запущена, женщины увольняются, зарплату теряют, массовая идет безработица, вся социальная инфраструктура исчезла, да.., и люди живут, выживают своими огородами и садами. Что здесь можно сделать? Ну, тогда была сделана установка хотя бы на расширение этой группы, которая поддерживает идеи социального равенства и, внутри них, гендерного равенства. Собственно говоря, тогда и был запущен проект гендерного образования и просвещения. Это все, что можно было сделать уже в тот момент. Собственно говоря, на том же уровне мы сейчас и находимся.

Н.Л.: На уровне второй половине 90-х годов.

Е.В.: Я думаю, что количество... но если мы посмотрим опять же таки на массовое сознание - ясмотрела на динамику – конечно, есть определенные подвижки. Иллюзия, которая была 26 лет назад, что... или да, это квазигендерное... Елена Здравомыслова и Анна Темкина дали еще одну такую метафору... Квазигендерное сознание... квазисоциалистического...

Н.Л.: Патриархата?

. Е.В.: Это очень красиво у них, из четырех слов. Диагноз у Посадской– это было постсоциалистический, это самое, патриархат. Да они тоже очень хороший диагноз дали. То есть большая часть женщин вели абсолютно образ жизни, когда

они совмещали материнство и работу, и были главой и кормильцем семьи. Это было подавляющее большинство женщин нашей страны. При этом они мечтали о том, чтобы найти сильную спину, за которой – которая бы решила их проблемы существования. При этом все социально-структурные, экономические тенденции, и политические, только усугубляли ситуацию. Гендерная динамика в массовом сознании, она за 26 лет пришла к норме, я бы сказала, сейчас группа женщин, которая поддерживает феминистскую перспективу, увеличилась в сравнении с девяностыми годами.

Н.Л.: С началом девяностых.

Е.В. Да, с началом девяностых, потому что тогда было много иллюзий. Но сейчас любая женщина, которая водит машину и является собственницей квартиры, но редко когда она откажется в обмен на иллюзию, что какой-то придет муж (и неизвестно, откуда он придет, если [за] последние 40 лет он не пришел, то вряд ли она после 40 будет ждать, что он придет!) и сделает ее счастливой. Происходят очень сильные подвижки на уровне гендерных стереотипов, и они приходят к тому, что... И в этом смысле опять же гендерные исследовательницы, которые занимались общественным мнением, социализацией (здесь очень важна была роль психологов и социологов-интерпретаторов) – мы сейчас фиксируем, что идет стабилизация, и гендерные исследовательницы выполнили свою функцию идеологов. То есть, то, что мы сохранили эти конструкции 20 лет – да, они были описаны, журналистки их читали, выращена уже целая школа психологов, которые, если хотят иметь клиенток, они должны использовать феминистскую методологию. Потому что рассказывать 80 процентам женщин этой страны о том, что «тебе надо дожидаться, когда он придет, а ты сможешь остаться дома, у твоего очага» - это как-то нерентабельно, я думаю, для всей системы общественного производства. В этом тоже есть свой позитив. То есть надстройку, которая формируется культурно, гендерные исследовательницы, на мой взгляд, сохранили.

Но мы не смогли повлиять на общие структурные процессы, то есть, фундаментальные процессы, ну, так получилось. Уже не будем обсуждать, как это, была ли возможность, можно ли было это сделать. Но вот на уровне нормализации идеологических конструктов и влияния на общественное сознание, ну например, сейчас, когда я включаю какую-то мыльную оперу и вижу, что приходит... как это?... приходит пристав по вопросу алиментов... Это же сценарист, это же какой-то сценарист сел-написал, это идет какая-то мыльная опера, и в тексте обсуждение пристава... женщина-пристав. Приходит женщина-пристав. Говорит с должником, и в ходе какой-то коммуникации появляется еще одна какая-то женщина. Женщины между собой и говорят: «Ну да, как бы, этот мужик, он типа неудачный гендерный конструкт». Я чувствую, что жизнь моя прошла не напрасно. Потому что, если пристав – ну, две молодые женщины – там скажем тридцатилетки – в частной практике - то есть то, что называется «между собой девочки», да девичник – позиционируют себя к алименту-должнику вот с такими эмоциональными... и говорят «неудачный гендерный конструкт», - да, я чувствую, что мы сделали очень большое дело. Потому что мы сработали на

формирование следующего поколения, на формирование новых идентификационных политик для целого поколения женщин. Ну вот следующего поколения. И это очень много. То есть в культурном плане, на мой взгляд (ну, я это писала вот еще и десять лет назад) удалось вот эти позиции отстоять, и они распространяются.

Не случайно, например, это гендерное... это... Наталья Каменецкая, [я недавно] вспоминала, «Искусство женского рода». Это была какая-то фантазмагорическая выставка, по моему воспоминанию... Она закончилась - ее закрытие было за два дня до того, как началась бомбардировка США Ирака. Мы на закрытии той выставки собрали [представителей] 60 посольств, у нас был посол Ирака и посол США на приеме. Прием вел замминистра иностранных дел, и мы ожидали Валентину Ивановну Матвиенко на закрытии той выставки. То есть, надо понимать, когда еще шла эта выставка, мы, как некоторое арт-сообщество, культурное сообщество, создали пространство, где мы еще надеялись, что в геополитическом... на геополитическом уровне они еще одумаются и будут найдены (тогда было не до конца понятно, как это будет). И то, что мы предложили мягкий формат: реально... это было реально 60 посольств, не везде были послы; послов было, наверное, человек 12, но это было много. Фактически мы уже играли в мировую дипломатическую политику и создавали пространство – ну то, что делали еще... то, что делали еще, по-моему, женские клубы во Французской революции, когда формировали сети...

Н.Л.: Возможно, это было связано с либеральной такой позицией, которую в это время разделяли очень многие и послы держав, и в этой связи я хочу спросить про оценки вот так называемого Второго женского съезда, который был в 2008 году – через сто лет после [Первого российского] Женского съезда, который проходил в Петербурге [в 1908] – какова здесь была роль или участие Лаборатории, Центра гендерных исследований, женских других организаций?

Е.В.: Вот, кстати говоря, к 2008 году, в 1996 году, по-моему, мы выпустили справочник, или в 1998 году, мы выпустили справочник независимых женских организаций России, и там было уже 2000 организаций. То есть реально базу данных мы создали, и после этого я думаю, что уже не было никакого смысла [опять собираться на форумы], было ясно, что каждый год возникают новые инициативы. Но они [многие из новых женских НКО] даже уже не стали регистрироваться, было много зарегистрированных, но было просто огромное количество инициатив. Группа, которая... Елена Николаевна Ершова, как я понимаю, была в числе первых инициаторов и Светлана [Григорьевна] Айвазова... Надо подчеркнуть, что Светлана Айвазоваа опять же была в тот момент [ведущим научным сотрудником] в Институте международного рабочего движения, да... А научный сотрудник... Елена Николаевна Ершова была научным сотрудником Института США и Канады. К 2008 году группа политических инициаторов разных проектов – как раз именно они в тот момент были ближе всего к Лаховой – [стали участниками особой рабочей группы], многие поправки писали они, и Светлана Айвазова была сама долгое время Советником, и фракции Госдумы, и лично

Лаховой - они были инициаторами, они провели в Колонном зале Дома Союзов этот съезд [в 2008-м]. Но когда, я помню, мы смотрели [кто и как его поддержал, стало ясно, что он], уже... он шел с политической поддержкой [со стороны Власти], да. Он шел в тот момент с политической поддержкой Екатерины Филипповны Лаховой [которой в тот момент как раз предложили войти в «Единую Россию»]... И надо понимать, что это был довольно ретроградный уже этап российской государственной политики, и я помню, как – не буду называть фамилию, имя и отчество, не уверена, что в нынешних политических обстоятельствах этот человек был бы счастлив, чтобы я это цитировала - но скажу, что один из людей, кто много занимался сравнительным анализом достижений, стратегий и тактик женских движений, сказал, что сама по себе структура декларации, которую мы сделали к 2008 году, она была слабее, чем сто лет назад, в 1908 г.

Я не занималась тогда сравнительным анализом, в этот момент моя жизнь немножко ушла в сторону. Я вынуждена была работать простым экономистом в бизнесе. Поэтому я принимала участие [в подготовке съезда 2008 г.], но уже на идеологическом уровне...ну, только сохранила метод включенного наблюдения. Я не входила в Оргкомитет. Но на меня он произвел уже какое-то удручающее впечатление, собственно говоря, тогда мы и потеряли драйв. Потому что как только женские инициативы, с которыми была связана я и связана сейчас, [были реально нужными, это обстановка,] когда кто-то встречается [с кем-то, договаривается]... Мы, наверное, где-то до 2004 года [работали в полную силу и], если создавался какой-то документ, он создавался искренне. Он был связан с твоим личным опытом, он был связан с твоими фантазиями утопическими, желаниями. Ольга Воронина всегда говорила: «Запишем побольше!». Я всегда говорила: «Вот, ну что написали? Хотим всемирного гендерного равенства к 2005 году!». А Воронина всегда говорила так: «Чем выше планка, тем больше процентов мы от него получим». То есть факт такой исторический....

К 2008 году, конечно, начался политический спад. Это же был период, когда началось охлаждение политических отношений с Западом, и в этот момент началась охота - «охота на ведьм». Ну, она началась уже в 2006 году, а может, на самом деле, «охота на ведьм» началась даже где-то в 2004-ом году, например по моему - моим воспоминаниям, когда люди в масках пошли на Озерковскую набережную [где в то время находилось Московское представительство Фонда «Открытое общество – Фонд Сороса»] и, собственно говоря, мы закрыли тогда женскую [программу]...

Н.Л.: Фонд «Открытое общество».

Е.В.: Да, да, да... Тогда... Тут тоже есть такие сюжеты, что... то, что мы наблюдаем в «media» по поводу российско-американских -западных отношений.

Я, как участник разных проектов и событий, всегда придерживалась концепции: то, что я наблюдаю... - не факт, что я наблюдаю процесс целиком. Я всегда себе говорила: будет время, когда ты поймешь, что это было, и [поймешь] с другой перспективы. То есть моя основная задача была запомнить смысл события так, как я его наблюдала. Но, как человек с социологическим воспитанием, я стараюсь

сохранять в себе какое-то историческое самоосознание, я всегда... мне всегда любопытно посмотреть на какое-то событие (например, когда люди в масках вышли на Озерковскую набережную) с исторической позиции, скажем, в 300 лет. Но... На мой взгляд, там много интерпретаций что это было, но это было однозначно. Западные фонды к этому моменту уже завершили вывод своей поддержки для проекта демократизации в России, так как они считали, что проект завершен. Что такое «проект завершен»? Завершен ли он потому, что он не удался? Или потому, что он переходит в следующий этап, скажем там о поддержке протестных прямых настроений – ну то, что мы наблюдали следующие, скажем, 4 года -- с Болотной революцией... с Болотной площадью. Я, конечно, понимаю, что мы участвуем в многосценарных разработках, и было бы, конечно, очень интересно именно сейчас описать, кто что знает из разных перспектив, поэтому я стараюсь придерживаться такого макросоциологического или макроэкономического подхода, когда вот мы точно знаем, что количество разводов у нас вот где-то такое, количество аборт у нас вот где-то такое... Что касается абортов, то мы точно знаем, что мы прошли контрацептивную революцию. Это тоже здорово. Транснациональные корпорации...

Н.Л.: 90-е годы.

Транснациональные корпорации, которые являются двигателем глобализации... это, ну скажем так, противоречиво, я не крупный поклонник той концепции глобализации, которая идет, но то, что транснациональные корпорации сделали с репродуктивным поведением россиянок - это здорово. Потому что, если количество женщин, которые не сделали аборт, а смогли избежать аборта методом контрацепции [выросло] - я считаю, что это однозначно хорошо. С точки зрения женского здоровья, с точки зрения психологического самосознания в той ситуации, в которой мы существуем, религиозных этих интерпретаций – это однозначно хорошо. Но по каким-то вопросам мы не можем иметь... у меня нет однозначной позиции. Я не могу по каким-то вопросам сказать...

Н.Л.: А чем отличается современное женское движение от западного – наше? Есть ли какие-то очевидные отличия, и в чем, если такие отличия существуют, то чем мы отличны от тех форм организаций, которые существуют за рубежом и от тех задач, которые они ставят себе?

Е.В.: Мне очень сложно сказать, чем женское движение в России отличается от западного, потому что я не занималась сравнительным анализом.

Н.Л.: Но были же контрасты, наверное...

Е.В.: Я хотела бы потом, потому что... В социологии международных движений, да, то есть, есть в социологии отдельное направление людей, которые занимаются сравнительным анализом... Я, например, входила в одну группу, в одном проекте я участвовала лет десять назад, и там было 12 стран... Например, брали один вид репродуктивной политики, например, брали аборты и рассматривали: какова там [в тех избранных странах] за 25 или 50 лет была государственная политика,

то есть это целая методология. Я сейчас пытаюсь вспомнить – из Англии это была там Алла Виндуски, там из Америки...

Н.Л.: Честный вопрос, да?

Е.В.: И тогда ты разрабатываешь методологию, ты сравниваешь 12 стран по одному типу политики, то есть тогда можно сказать, чем отличались женские инициативы, скажем там, Франции, Польши, Америки или России – они будут отличаться секторально. Такого анализа я не видела хорошего, поэтому как исследователь, как социолог, я могу какие-то впечатления высказывать на эту тему, но... мне кажется... может быть, какие-то впечатления. Одно дело... да, я входила... когда шла Пекинская конференция, после нее, все международные координационные советы, которые создавались вокруг ООН, вот я во все входила и представляла либо Россию, либо страны СНГ, либо бывшего социалистического блока... Но из обсуждения, например, Пекинской платформы действия или там согласования времени проведения воркшопов или там повестки дня, или согласований, кто в каком порядке выступает на пленарных заседаниях (это все личное взаимодействие, я как активист, и вокруг меня - 200 женщин из других стран, каждая представляет либо регион), - ты не можешь из этой коммуникации движенческой сделать вывод. Как социолог я не могу сравнить, чем отличаются общественные инициативы в этих странах от России. Я считаю, что...

Н.Л.: Но контакты сейчас у лаборатории, у Центра гендерных исследований есть с зарубежными женскими организациями? Или только с зарубежными научными организациями, в целом, в широком плане?

Е.В.: Я думаю, что с момента, когда Московский центр гендерных исследований закрыл свое юридическое лицо...

Н.Л.: Это в каком году?

Е.В.: Два года назад.

Н.Л.: В 2014 г.

Е.В.: Я помню точно эту дату... Понимаешь, сама по себе лаборатория – в том виде, как она сейчас существует, она в основном поддерживает исследовательские проекты. И движенческий компонент, он присутствует через участие отдельных людей в отдельных инициативах. Например, я участвую там, скажем, в ряде каких-то инициатив, но я участвую в личном качестве. А не как...

Н.Л.: А не представляете МЦГИ.

Е.В.: МЦГИ - это общественная организация, а не лаборатория [в НИИ РАН].

Н.Л.: Лаборатория, научная.

Е.В.: Например, сейчас Лаборатория делает научные проекты, научные конференции, но того масштаба, который был – на 500 человек, на 200 человек – конечно, лаборатория сейчас таких проектов не делает.

Н.Л.: Но ведь существует Научный совет по вопросам гендерного равенства, он продолжает политику МЦГИ и лаборатории? Когда он создан?

Е.В.: Этот Совет, наверное, был создан... Я вспомню сейчас... Да, в этот момент мы закрывали Институт социальной и гендерной политики, это, наверное, был 2006 или 2008 год. Он был создан опять же Натальей Михайловной Римашевской. И в момент, когда началась ретроградная такая...

Н.Л.: Кто входит в этот совет? Только экономисты?

Е.В.: Нет, в совет входили активные ученые из разных институтов, которые в тот момент были связаны с Московским центром гендерных исследований. Мне кажется, что список формировала Ольга Воронина тогда, и Наталья Михайловна. По разным причинам, в связи с закрытием Московского центра гендерных исследований, в настоящий момент Совет занимает такую очень аккуратную позицию, дает информацию в Президиум Академии наук о тех своих наработках или общественных мероприятиях, которые попадают в зону видимости. Ну кто[-то] из членов Совета дает информацию, она включается и, таким образом, сохраняется в списке. При Президиуме Академии наук таких советов, может быть, 20. Это важно. Присутствует дискурс, присутствует слово «гендер» в момент, когда на уровне политических и на уровне юридических политик против независимых гендерных центров был накат и они были закрыты. Двое из них по обвинению о том, что они являются агентами... зарубежных... «зарубежными агентами»...

Н.Л.: «Иностранцами агентами».

Е.В.: «Иностранцами агентами». Но я имею в виду, в первую очередь, Центр социальной политики... гендерной и социальной политики в Саратове.

Н.Л.: В Петербурге.

Е.В.: И этого... Ивановский центр [гендерных исследований] Шныровой, Ольги.

Н.Л.: Но его не закрыли, по-моему..

Е.В.: Но были...

Н.Л.: Попытки..

Е.В.: Да, были попытки.

Н.Л.: И Череватенко, наверное, уже...

Е.В.: А она не была как бы гендерным центром, она все-таки была общественным... это «Союз женщин Дона»... Это тут... Я именно говорю: центры, которые развивали именно научную и развивали идеологическую - идеологические концепты. Потому что я отличаю общественные инициативы, которые используют [теоретические] концепты, от тех, которые продвигают формирование этих ценностей, идеологий и конструктов. Я считаю, что это было очень важно, потому что таким способом мы сохраняем за гендером иное значение. Есть методология проведения... формирования научного знания, в

основе которой лежит гендерная методология – она, скажем, объективная, она не зависит от того, кто профинансировал, по какой причине профинансировал, и даже какие политические последствия могут возникнуть в связи с этим исследованием. Потому что все-таки есть некоторое объективное знание, и если мы в этой парадигме, то дважды два – четыре, и, если кому-то хочется, чтобы Евклидова геометрия или алгебра была признана ограниченной, мы не против этого, пожалуйста, развивайте неевклидову геометрию, развивайте, пожалуйста, любую другую геометрию, но вы всегда должны понимать, что в рамках этой конструкции, в рамках этой научной концепции и методологии, дважды два – это будет четыре.

Н.Л.: Последний мой вопрос о том, как видятся перспективы. Можно надеяться на то, что... ну, не вернутся старые времена, это невозможно, но по крайней мере, есть ли какие-то перспективы дальнейшего гендерного образования, у научно-образовательных проектов в нашей стране, будущих каких-то совместных проектов с зарубежными странами на эту тему?

Е.В.: Наталья Михайловна Римашевская (я не знаю, брали ли Вы у нее интервью или нет) она в 67 году уже делала свое первое исследование...

Н.Л.: Меня интересуют перспективы.

Е.В.: Это все-таки человек, который делал исследования 50 лет и пишет – она социальный экономист – она все время говорит, что у социальной политики есть цикл. Порядка 20 лет – это одно поколение. Когда она мне согласовывала тему докторской, я говорю: «Наталья Михайловна, ну кому это нужна: гендерная модель социальной политики в отдельно взятой стране – это был 2008 год, абсолютно был ретроградный период, очень консервативный, - кому это нужна?». Она мне сказала: «Послушай, еще будет этап подъема, и ты будешь востребована!». Но я упустила шанс воспользоваться ее советом. На мой взгляд, сейчас как раз начинается этап подъема – именно для политик гендерного равенства. Потому что сейчас востребованы вообще разговоры о политиках социального равенства, и это связано с тем, что поляризация и неравенство сейчас дошли до той степени, когда они представляют угрозу национальной безопасности. Соответственно, сейчас должен быть – как это психологи говорят, вот когда человек тонет, падает, падает, падает, «вот когда ты дойдешь до дна, тебе будет от чего оттолкнуться». Мне кажется, что мы сейчас дошли до того дна, от которого идет отталкивание. Например, последний доклад, который подготовлен под эгидой Совета Федерации о положении женщин – блестящий доклад. Просто блестящий доклад. По-моему, Валентина Ивановна Матвиенко сейчас запускает новый этап [борьбы за интересы женщин] и готовятся новые предложения, и мне представляется, что международные женские проекты сейчас будут поддерживаться как один из форматов доступной дипломатии, народной дипломатии.

Н.Л.: Спасибо большое, Елена Викторовна, за разговор и за позитивную перспективу, которую Вы нарисовали. Всего Вам доброго.